

Глава 17

Если бы Юань Шао не принёс эту весть, Сыма И, возможно, не так скоро уверился бы в подлинности Лю Бина.

Теперь же его сомнения сменились твёрдой убеждённостью.

Дун Чжо пробыл в столице всего несколько дней. Зачем узурпатору идти на такой рискованный шаг, как низложение Сына Неба? Ответ мог быть лишь один: правление Лю Бяня сулило врагу слишком много невыгод!

И какая же невыгода могла быть большей, чем нахождение законного императора на свободе, где он ищет возможность собрать верных людей для похода против предателя? Что ещё могло заставить Дун Чжо действовать так поспешно?

Вспоминая события, Сыма И счёл, что Его Величеству пришлось нелегко.

«Увы...»

Он собрал разрозненные факты воедино, и перед ним предстала стройная и логичная картина.

В ночь убийства великого полководца Хэ Цзиня братья Юань — влиятельные сановники, представители знати и доверенные лица покойного — подожгли дворец, чтобы выкурить оттуда евнухов. Этот поступок словно подталкивал загнанных в угол царедворцев к отчаянным действиям.

Будь евнухи чуть смелее, а подоспевшие на выручку войска — чуть медлительнее, и жизнь юного императора оборвалась бы. А тут ещё и армия Дун Чжо, стоявшая у самых ворот столицы. В такой ситуации единственным выходом было подменить государя и тайно вывезти его из города, чтобы дождаться, пока обстановка прояснится, и лишь затем вернуться в Лоян.

Можно ли было долго оставаться в столице, где каждый преследовал свои цели?

Никто не ожидал, что Дун Чжо пойдёт против клана Юань. Он не удовольствовался ролью простого исполнителя, а немедленно прибрал к рукам всю военную власть в Лояне, чем лишь усугубил положение.

Узурпатор держал в заложниках всю столичную знать, а Его Величество был один, без поддержки, с единственным генералом, вышедшим из разбойников. Как в таких условиях он мог открыто заявить о себе?

И вот этот самый государь, о котором в Лояне шла слава как о мягком и нерешительном

человеке, которого даже покойный император Лин-ди упрекал в «легкомыслии и отсутствии величия», в столь тяжких обстоятельствах произносит: «Не желаю сомневаться в верности подданных» и «Не могу пренебречь жизнью вашего отца».

— Да, и что нам теперь делать? — подхватил Чжан Янь.

— Можете не сомневаться, — с невозмутимым видом заявил он, обозначая свою позицию. — Я человек, вышедший из бунтовщиков, и привык идти против течения. Если этот старый разбойник Дун Чжо и впрямь низложит императора и лишит Его Величество трона, я не побоюсь потерять звание Генерал-лейтенанта, усмиряющего смуту. Я брошу ему вызов и попробую вернуть Его Величество на престол.

— К тому же, Его Величество всяко лучше, чем...

Чжан Янь осёкся, проглотив окончание фразы.

«Этот император, Лю Бин, мне по душе, — подумал он. — Не то что покойный государь, который надевал на собак чиновничьи шапки. Из-за этого я и свою шапку ношу с чувством неловкости, предпочитая шлем или повязку»

Но говорить такое вслух было бы неуважительно по отношению к юному императору, так что он промолчал. Впрочем, всё, что он хотел сказать, было ясно написано в его глазах.

Лю Бин едва сдержал тяжёлый вздох.

— Сердце генерала Чжана, преданное отечеству, мне известно. Однако в этом деле следует проявить осмотрительность.

Сыма Лан подал совет:

— Дун Чжо намерен низложить императора и, по-видимому, разорвал отношения с кланом Юань. Юань Шао бежал. Узурпатор не станет медлить. Вашему Величеству следует принять решение как можно скорее.

Лю Бин, собравшись с мыслями, ответил:

— Я уже всё обдумал. Жители Хэнэя постепенно переселяются в уездные города. В случае войны их защитят крепостные стены. Однако полагаться лишь на Армию Чёрной горы в противостоянии с полководцами Дун Чжо — недолговечная стратегия. Нужно отобрать из местных жителей крепких мужчин и начать их обучение. Но сейчас ещё не время. Когда произвол врага станет известен в Хэнэе, мы поднимем знамя борьбы с предателем, и народ последует за нами.

Бода согласно кивнул.

Сейчас люди им подчинялись лишь потому, что армия Бинчжоу грабила под видом разбойников Чёрной горы, а настоящая Армия Чёрной горы выступала в роли защитников, наказывая самозванцев. Этот предлог пока работал.

Но для расширения армии этого было недостаточно. Жители этих земель по-прежнему их сторонились. Нужен был более веский повод для войны с узурпатором. В таком случае, подождать было разумно.

— Мне кажется, — внезапно вмешался Чжао Цянь, — что полагаться лишь на одну область Хэнэй недалековидно. Нам не сравниться с миллионным населением Лояна. Ваше Величество — правитель всей Поднебесной. Зачем ограничивать свой взор лишь Хэдуном и Хэнэем? В мире найдётся немало благородных и преданных людей.

Сыма Лан с сомнением спросил:

— Ты предлагаешь, чтобы Его Величество обратился с воззванием ко всей стране и созвал верных подданных?

— Нет, — возразил Чжао Цянь. — Я имею в виду, чтобы генерал Чжан продолжал стягивать силы Армии Чёрной горы из Цзичжоу, и одновременно с этим мы бы нашли ещё одного доблестного воина, который пришёл бы на помощь Его Величеству.

— Что, опять своего земляка предлагаешь? — холодно бросил Чжан Янь с явным недовольством.

Чжао Цянь что-то тихо прошептал ему на ухо, и лицо генерала смягчилось.

Он повернулся и сказал:

— Этот человек в своё время собрал в Чжэньдине отряд для защиты родных земель. С нами он не сошёлся во взглядах, и привлечь его на свою сторону мне не удалось. Но если речь пойдёт о службе Его Величеству, об искоренении предателей и восстановлении государства, он непременно явится со своим боевым искусством. Что скажет на это Ваше Величество?

Лю Бин кивнул.

— Ныне мы остро нуждаемся в людях. Не время привередничать. Если генерал Чжан не возражает, то прибытие этого воина будет как нельзя кстати.

Сказав это, юноша едва заметно нахмурился.

«Или мне показалось? — подумал он. — Название "Чжэньдин" звучит смутно знакомо»

Впрочем, Чжан Янь был родом из Чжэньдина, Чжао Цянь — тоже. В Армии Чёрной горы насчитывались тысячи выходцев из этих мест.

«Это название сейчас на слуху, — успокаивал он себя, — в этом нет ничего особенного»

Подождём, пока этот человек прибудет.

Раз уж решили призвать на службу доблестного мужа, государь продолжил:

— Есть и другое дело, о котором Бода, Чжунда и генерал Чжан уже знают. Оно неотложно и не терпит промедления.

— Ваше Величество говорит о спасении Сыма Цзяньгуна.

— Именно.

Прежде это было лишь предложением, чтобы избежать встречи с Юань Шао. Теперь же это стало делом первостепенной важности.

— Ну и доля у меня, вечно в трудах, — проворчал Сунь Цин, глядя на тёмное ночное небо. Он согнулся, уперев руки в колени, и выдохнул облачко пара.

Шедший рядом подчинённый попытался его подбодрить:

— Что вы, это не доля такая, это значит, что вы человек способный, на вас и взваливают больше.

— Хватит, хватит мне льстить. Мы тут все свои, нечего зубы заговаривать. Кто кого не знает? — Сунь Цин криво усмехнулся и выпрямился. — Какой из меня способный? За Его Величеством, который и мухи не обидит, не уследил — он сбежал. Хотел в Люй Бу стрелой попасть, так меня чуть его копьём не пришили. Перед тем Юань Шао и двух слов связать не мог. Вот тебе и «способный».

Подчинённый замолчал, не зная, что ответить.

— ...Но ведь Его Величество поручил это дело именно вам.

А это что значит? Это значит, государь лично выбрал, считает своим доверенным лицом!

— Наверное, потому что я послушный и не задаю лишних вопросов, — пробормотал Сунь Цин.

Среди младших командиров Чжан Яня он и впрямь был самым исполнительным. Мог поинтересоваться чем-то незначительным, но когда дело касалось важных решений, никогда не оспаривал приказы начальства.

Как и в этот раз. Его Величество сказал: просто придумайте способ вывезти Сыма Фана, но ни в коем случае не упоминайте, что я в Хэнэе. Просто вывезите его, и всё.

Ван Дан спросил «почему?», и его тут же исключили из кандидатов.

Так и вышло, что труднейшая задача по спасению Сыма Цзяньгуна и обеспечению верности клана Сыма из уезда Вэньсянь легла на его плечи!

К счастью, за годы в Армии Чёрной горы он стал мастером лазать по горам и перевалам. Обойти посты, расставленные разбойником Дун Чжо в районе горы Маншань, и добраться до предместий Лояна было для него несложно.

Если так посмотреть, он и впрямь был дельным командиром...

Размышляя об этом, Сунь Цин обмакнул палец в слюну и перевернул страницу нарисованной Сыма Ланом карты. Он застыл на месте, словно статуя.

— Командир, куда нам идти?

Сунь Цин бросил на него сердитый взгляд.

— Подожди. Спасение человека — дело серьёзное, нужно действовать осторожно.

— ...

— ...Вот же, понастроили в этом Лояне домов, не протолкнуться. Пройти через конный рынок, затем у Крысиных ворот на просянном рынке найти три одинаковых особняка, стоящих в ряд.

— Командир, кажется, ворота называются Хао-мэнь.

— Сказал «Крысиные», значит «Крысиные»! — Сунь Цин свернул карту. — Идти на юг, что тут сложного?

К тому же, если он ошибётся с местом, то не станет вламываться куда попало и навлекать на себя беду.

А то, что он нашёл дом Сыма Фана лишь под утро, потеряв кучу времени, — так это всё из-за плохой карты Сыма Лана. При чём тут он! Сын даже не может толком объяснить, где живёт его отец. Ему повезло, что Его Величество согласился помочь его спасти, а то так бы и сгинул неизвестно где.

Сунь Цин убедился, что вывеска на воротах соответствует описанию, осторожно обошёл здание сзади, достал из-за пазухи крюк-кошку, бесшумно зацепил его за стену и в несколько ловких движений перемахнул внутрь.

Он огляделся.

Сумрак ночи ещё не отступил от Лояна. Лишь в одном из дворов горел свет. Командир решил, что Сыма Фан должен быть там, и осторожно двинулся в том направлении. Едва он прижался к стене, как из дома донеслись голоса.

Сыма Фан вздохнул.

Пламя свечи в ночной тишине очерчивало силуэт сидевшего напротив человека, отбрасывая его тень на стену. Кажется, это было не обманом зрения — фигура и впрямь ссутулилась больше, чем несколько месяцев назад.

— Господин Лу, — сказал он, — позвольте высказаться прямо. Если бы генерал Хуанфу успел ввести войска в столицу, он, возможно, и смог бы усмирить разбойника Дун Чжо. Но он умеет воевать, однако в делах большой политики негибок. Без императорского указа он и шагу не сделает из Лянчжоу, а император, увы... По моему мнению, вам, господин Лу, следует поберечь себя и не вступать в конфликт с Дун Чжо.

Брови Лу Чжи сошлись на переносице, голос его окреп:

— Терпеть, терпеть, все говорят мне терпеть! Но какой же я подданный, если не могу защитить достоинство Его Величества! Я, Лу Чжи, муж ростом в восемь чи, знаток канонов, не раз усмирявший мятежи, неужели я должен сейчас склонить голову перед разбойником Дун Чжо?

— Кто там!

Он резко оборвал свою речь, схватил со стола длинный меч, распахнул дверь и выскочил наружу с быстротой, не вязавшейся с его возрастом — а ведь ему было уже за пятьдесят.

Сунь Цин не успел спрятаться и оказался лицом к лицу с остриём меча Лу Чжи. Он попятился и был зажат в углу.

Во дворе было темно, но глаза пожилого человека в тёмно-синем халате, с суровым и волевым лицом, сверкали, как молнии, впиваясь в двух незваных гостей. Сунь Цин вздрогнул и поднял вверх письмо.

— Я прислан по приказу, чтобы вывести Сыма Цзяньгуна из Лояна!

Сыма Фан, вышедший из комнаты с опозданием, с удивлением увидел, как Сунь Цин, заметив его, просиял и, невзирая на угрозу со стороны Лу Чжи, подбежал и протянул ему письмо. Четыре иероглифа на конверте, «Отцу, в собственные руки», были написаны до боли знакомым почерком.

— Я собирался послать Бода в столицу, почему же вместо этого за мной прислали людей?

Его лицо напряглось. Он вдруг вспомнил о недавних военных донесениях, дошедших до Лояна, и, осознав что-то, вскрикнул:

— Бода что, в Армии Чёрной горы? Он им советы даёт?

Об этом упоминалось и в письме, так что скрывать не было смысла. Сунь Цин кивнул. Сердце Сыма Фана ухнуло. Он поспешно вскрыл конверт.

«Что хорошего в том, чтобы быть советником у разбойников? — размышлял он. — Неужели они и впрямь стали похожи на регулярную армию?»

Он не верил, что один лишь Чжан Янь мог убедить его сына пойти с ним. Должно быть, произошло что-то ещё, или кто-то свёл их вместе.

Но не успел он дочитать письмо и как-то отреагировать, как Сунь Цин краем глаза заметил, что взгляд Лу Чжи загорелся ещё ярче, словно тот пришёл к какому-то необычному выводу.

Пожилой человек вложил меч в ножны и в три шага оказался рядом. Прежде чем Сунь Цин успел отступить, он схватил его за запястье.

— Молодой человек, будьте добры, ответьте мне на один вопрос.

Лу Чжи пристально посмотрел на посланника, его голос на мгновение дрогнул:

— Скажите, есть ли в пределах Хэнэя член императорского рода по фамилии Лю?

Тот самый, что когда-то прислал ему письмо.

<http://bllate.org/book/16006/1571065>